

Ольга

Марьикова

сотрудник Восточно-Казахстанского
историко-краеведческого музея.

ПРИОТКРОЕМ ЗАНАВЕС ВРЕМЕНИ...

В переносном смысле сегодня мы можем это сделать. А вот в прямом... Занавес, о котором пойдет сегодня речь, сожжен «за крамольную» надпись на нем. И такое, оказывается, бывало в нашей истории...

Как-то мое внимание привлек очерк Гребенщикова «О тупых восторгах. Мысли вслух». В нем критикуются бездарные театральные постановки одного маленького сибирского городка. **«Вот маленький сибирский городок... Не назову его, чтобы не нанести кому-нибудь обиды. В нем есть Народный дом, созданный когда-то носителями бодрой мысли, лучшими гражданами, теперь уставшими в борьбе с реакцией и почти умолкшими... По крайней мере одинокими в своих стремлениях...»** (1.2)

Внимательно читываясь в текст, невольно ловлю себя на мысли, что многое в нем знакомо. Очень уж описываемый Народный Дом похож на наш: и открыт он, как и у нас, по инициативе и на пожертвования просвещенных граждан, политических ссыльных города. И городок наш в ту пору небольшой сибирский. Да и просто очень уж хотелось, чтобы Гребенщиков написал именно о нашем городе.

Но об Усть-Каменогорске ли в очерке идет речь? Где в России, спросите вы, даже в мало-мальски продвинутых городах не было Народного Дома? Конечно же, Народные Дома были центрами культуры многих городов, и провинциальных тоже. В них проводились митинги, маскарады, общественные собрания, спектакли. Народный Дом Усть-Каменогорска не был исключением. Вот и редкая фотография 1901 года Д.П. Лавровского, где запечатлено важное событие: момент осмотра строительства Народного Дома генерал-губернатором Степного края Н.Н. Сухотиным в сопровождении городского старосты О.Ф. Костюрина.

Однако в очерке запечатлено еще одно любопытное обстоятельство. **«Когда был закончен Народный дом, – читаем у Гребенщикова, – в нем над сценою был повешен занавес с знаменитыми словами манифеста 17 октября».** (1.2)

И здесь мне вспомнилась одна дореволюционная фотография, где запечатлена группа солидных людей на фоне необычного занавеса. А не тот ли это занавес, что описан у Гребенщикова? Разыскала заветный снимок. Можете себе представить

мою радость, когда увидела снимок, где на занавесе четко видна надпись: «17 октября. 1905 года». Похоже, о нем пишет Гребенщиков, но это еще не доказательство. Вероятно, везде в Народных домах проходили народные торжества по случаю Манифеста, возможно, везде висели плакаты с лозунгами о свободах.

Однако в очерке есть еще одна важная деталь... Гребенщиков пишет, что **«ско-ро эти слова оказались крамольными и занавес был торжественно предан сожжению»**. (1.2)

Рассматриваю фото в лупу, переворачиваю снимок... На обороте надпись: «Усть-Каменогорская избирательная комиссия по выборам в Государственную Думу 1907 года. Подсчет голосов. Изображенный здесь занавес перед сценой Народного Дома в январе 1909 года был предан сожжению по распоряжению Семипалатинского губернатора Тройницкого».

Действительно, в истории нашего города это громкое событие имело место. Осталось только найти, где еще упоминается о нем. В статье «В борьбе за свободу. О революционных событиях в Восточном Казахстане» Р.С. Федоровой, кандидата исторических наук, опубликованной в «Рудном Алтае» в 1986 году, говорится о революционной ситуации, которая в 1905 году коснулась провинциального Усть-Каменогорска. Но в публикации ни слова о сожжении занавеса...

Не упомянут этот факт и в книге Н.В. Алекссенко «Усть-Каменогорск», где в главе «На путях к Октябрю» описываются события, происходившие в Усть-Каменогорске в связи с Манифестом 1905 года.

Однако о факте сожжения занавеса сообщает в статье «Культурное наследие Народный Дом в Усть-Каменогорске» Н.А. Косенкова, начальник «Отдела научно-исследовательского обеспечения общей истории, археологии и этнографии» историко-краеведческого музея. Косенкова пишет: «В 1905 году на фоне революционных событий в Народном Доме появился занавес с надписью: «Ура! Да здравствует свобода!» Уездный начальник Казанцев потребовал снять его. Но... через некоторое время появился занавес с еще более тенденциозным текстом. Новый занавес увидел генерал-губернатор Степного края и нашел его неподходящим для театрального зала. Занавес был снят и сожжен, о чем уведомляет высшее начальство городской пристав». (2.54-55)

Но где же подробности этого события? На помощь вновь пришла Р.С. Федорова. В 2009 году она сдала в музей ряд материалов по истории нашего края. В книге «Основы исторического краеведения и музееведения» Федорова ссылается на архивные документы, хранящиеся в Центральном Государственном Архиве Казахстана. Согласно документам, в 1905 году «после Высочайшего Манифеста 17 октября» на фоне революционных событий в Народном Доме появилась сначала, как свидетельствует губернатор Семипалатинской области в донесении в «Департамент полиции», вместо занавеса «красная тряпка с надписью: «Ура! Да здравствует свобода»... Однако уездный начальник Казанцев потребовал снять его. «...Но городские заправилы заказали тогда в Семипалатинск ... маляру Титову... занавес (с изображением статуи Свободы и со словами о Свободах, взятых из Манифеста Николая Второго, «от 17 октября 1905 года»... Вообще весь занавес имеет явно тенденциозный характер, направленный к восстановлению публики против... особенно полиции, властей..., тем более, что нигде даже не было упомянуто про Августейшее имя государя императора, даровавшего этот Манифест...» (3.204).

Новый занавес увидел генерал-губернатор Степного края и нашел его «совершенно неподходящим для театрального зала и явно тенденционнм» и приказал убрать. Занавес был снят и сожжен, о чем уведомляет высшее начальство городской пристав. Когда же занавес был сожжен?

Согласно документам, 4 июля 1909 года из Усть-Каменогорска был отправлен рапорт «Господину Семипалатинскому губернатору» в Семипалатинск: «...27 июня сего года Усть-Каменогорским городским приставом (был составлен) акт об уничтожении им, приставом, вследствие личного приказа Его Высокопревосходительства Господина Степного генерал-губернатора, театральной занавесы Усть-Каменогорского Народного Дома...» (3. 204)

К рапорту прилагался акт «Об уничтожении театральной занавеси в Народном Доме», где подробно описывается все, что было изображено на занавесе, и описание это совершенно точно совпадает с нашим: «Сверху... здание городской думы, с левой стороны статуя свободы с факелом в руке, а с правой – статуя... представляющая из себя древнегреческого мудреца... между этих статуй с левой стороны написано: «17 октября». «Даровать населению незабываемый основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. Установить, как незабываемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий, постановленных от Нас властей». Внизу этой занавеси написано: «Открытие Народного Дома 26 октября 1902 года». (3. 204).

Но вместе с занавесом, сетует в очерке Гребенщиков, «были сожжены и те девизы, которым умел служить Народный дом: свет, любовь и правда. В Народном доме стали происходить по воскресеньям: утром – черносотенные чтения, вечером – маскарады с семечками, водкой за пазухой.

Лишь изредка любителями ставились спектакли, да в год раз или два приезжали странствующие гастролеры...» (1.2)

Гребенщиков самозабвенно любил театр, был страстно увлечен драматургией. Мы знаем, что на сцене усть-каменогорского Народного Дома в 1908 году состоялась премьера его пьесы «Сын народа» и, по воспоминаниям старожилов, он снискал славу «усть-каменогорского Льва Толстого». Конечно же, он посещал Народный Дом, бывая в Усть-Каменогорске наездами в 1909, 1910, 1911, 1913 годах. О театральных постановках он писал в очерках «Синяя птица», «В Усть-Каменогорске» и др. Поэтому, как человек творческий, считающий, что «театр... есть самая высокая точка в русской жизни» (4.3), Гребенщиков не мог равнодушно смотреть на театральное действие, происходившее на усть-каменогорской сцене (теперь-то это мы точно знаем). Оно и возмутило его до глубины души и послужило выходу столь обличительного очерка «Тупые восторги».

Нельзя не сказать: что же происходило на сцене, что вызвало в писателе-зрителе бурю негодования. «...Спектакли – грусть одна», – пишет Гребенщиков. Поскольку местная цензура запрещала все, где что-нибудь казалось ей «крамольным», то «находились режиссеры, ставившие спектакли не для проповеди света и любви, красоты и торжества искусства, но исключительно ради собственного удовольствия, а иногда и для того, чтобы заработать...

И публика идет, от скуки она готова лезть хоть в петлю...» (1.2) Далее Гребенщиков описывает спектакль, зрителем которого «имел счастье» быть. «На сцене одноактная пьеса из «Театра ужасов». (В афише так и сказано). Расслабленный больной старик, полунемой, сидит в кресле. На его глазах происходит коварный обман невесткою его сына. Старик хочет сказать об этом сыну, но не может и издает только мычание.

В публике дружный смех и восторженные:

– Bravo! Би-ис!

За попытку открыть измену невестка издевается над полунемым. В публике – аплодисменты. Наконец, муж изменницы падает в старый погреб, погибает, а полунемой душит свою невестку. В публике – неопишуемый восторг и вызовы...» (1.3)

«Конечно, злого умысла тут нет ни со стороны любителей, ни со стороны публики. Напротив, кое у кого – недоумение и печальные пожимания плечами, но подавляющее большинство бессознательно довольно тем, что оно участвует в каком-то исключительном событии, в чем-то таком, что каждый день не повторяется... Это большинство – толпа. Ей все равно, она готова и плакать, и смеяться, только бы не обыденная скука, не пригнетенность и зависимость...

И охватывает ужас, потому что вы видите: толпу «с дозволения начальства» ведут на преступления против света, правды и любви. Почему же у театра часто не бывает ни этики, ни ответственности? Почему общественное мнение, которое и есть – сам зритель, не только не судит театр, но и покорно следует за его развязностью, цинично гогочет и аплодирует всякой пошлости.

«Что это такое? Где общественная совесть, позволяющая в театре стирать и разрушать все то, что кровавым потом и трудом создает прогрессивная печать и литература?» (1.3-4)» – восклицает писатель в заключении.

Итак, совершенно ясно, что событие, описанное в очерке, имело место быть в Народном Доме Усть-Каменогорска. Остается лишь добавить, что теперь здесь располагается театр драмы им. Джамбула, любимый и уважаемый сегодняшней публикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Г.Д. Гребенщиков. «О тупых восторгах. Мысли вслух». «Жизнь Алтая», 1913 г., № 185. с. 2-3.
2. «Материалы Республиканского научно-практического семинара «Музейные собрания по традиционной культуре этносов Казахстана: проблемы изучения и перспективы сохранения». Алматы, 2009.
3. Р.С. Федорова. «Основы исторического краеведения и музееведения» (вып. 2. ч. 3. 2009 г.). Статья «Местные революционеры и политические ссыльные края», в р. «Восточный Казахстан в 1894-1917 гг. По страницам отдельных источников с данными по истории края от завершения в нем обустройства пограничными столбами российско-китайской границы и до упразднения царской власти в России».
4. Г.Д. Гребенщиков. «Синяя птица». Электронная версия.

